

КАРТИНА ВРЕМЕНИ. АДРЕСА

МОСКОВСКИЙ МОНМАРТР.

ЖИЗНЬ ВОКРУГ ГОРОДКА
ХУДОЖНИКОВ НА ВЕРХНЕЙ
МАСЛОВКЕ. ТВОРЧЕСКИЕ БУДНИ
СОЗДАТЕЛЕЙ ПРОЛЕТАРСКОГО
ИСКУССТВА

Из воспоминаний
Татьяны Хвостенко,
Нины Нисс-Гольдман
и Евгения Кацмана

Издательство АСТ
Москва

УДК 75(092)(470)
ББК 85.143(2)6-8
Х33

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично без разрешения
правообладателя запрещается.*

Хвостенко, Татьяна Васильевна.

Х33 Московский Монмартр. Жизнь вокруг городка художников на Верхней Масловке. Творческие будни создателей пролетарского искусства. / Татьяна Хвостенко — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 304 с. : ил. — (Картина времени. Адреса).

ISBN 978-5-17-157523-6

Район Верхней Масловки в Москве прозвали Московским Монмартром неслучайно: здесь жила советская творческая интеллигенция на протяжении целых десятилетий. Мемуары Т. В. Хвостенко погружают в повседневность творцов XX столетия. На страницах книги вы встретите знакомые имена: Игорь Грабарь, Павел Соколов-Скаля, Сергей Герасимов, Георгий Нерода и Владимир Татлин. Беседы с живописцами, скульпторами, архитекторами, их размышления и чувства раскроют перед нами эпоху, скрытую туманом десятилетий.

В воспоминаниях Татьяны Хвостенко коридоры и улочки, теплые вечера и течение времени обернуты в насыщенные краски, которые перенесут вас в особенную, полную творчества реальность. Книга прольет свет на культурный контекст того времени и проведет сквозь лабиринт истории искусства. Вы увидите, как цепляются друг за друга эпохальные вехи и незначительные детали, как история формирует творческие судьбы и как творчество меняет преддetermined.

Татьяна Хвостенко (1928–2005) — художник, реставратор, член Союза художников России. Каждое слово ее мемуаров прокладывает дорогу к судьбам мастеров и пониманию их творческого наследия. В книге использованы архивные материалы из воспоминаний Нины Нисс-Гольдман и Евгения Кацмана.

**УДК 75(092)(470)
ББК 85.143(2)6-8**

ISBN 978-5-17-157523-6

© Менделеева М. В., текст, 2025.
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ТАТЬЯНЫ ХВОСТЕНКО	7
Как появились первые дома художников.	9
Обитатели Масловки	12
Наши дворники	14
Столовая, клуб и женсовет	15
Наши соседи Никоновы	18
Такие разные «высокие гости»	19
Яков Айзикович Рапопорт	20
«Радимовка»	22
Любимые натурщики Масловки	24
Почетный гражданин города Иванова	27
Наш сосед сверху — Георгий Васильевич Нерода	29
Кукольный театр	32
Наташа Сац и Наташа Розенель	33
Владимир Васильевич Нерода	34
От Харбина до Парижа	35
И еще о Харбине	36
Юрий Георгиевич Нерода и кое-что о памятниках	38
Федор Семенович Богородский	43
1937 год. Памяти друзей	47
Михаил Александрович Кузнецов-Волжский	50
Николай Сергеевич Козочкин	53
Николай Михайлович Ромадин.	55
Фридрих Карлович Лехт.	61
Георгий Григорьевич Нисский	67
Маринисты	69
Александр Алексеевич Коробов...	70
...и Комитет по охране памятников	72
Константин Гаврилович Дорохов и «капустники»	75

Василий Васильевич Крайнев	78
Давид Маркович Девинов-Нюренберг	79
Василий Семенович Сварог	83
Домовая летопись	87
Дмитрий Аркадьевич Налбандян и наша мастерская	88
Москва осенью 1941-го	90
Евгений Евган, его дочь Ира и Иван Максимович Семенов	91
Анатолий Андреевич Пассан-Сапков	99
Константин Александрович Вялов	103
Третьяковская галерея и Каракалпакский музей искусств	106
Самуил Яковлевич Адливанкин	107
Плакатист Алексей Кокорекин	109
Аркадий Александрович Пластов	110
Александр Павлович Кибальников	117
Пески — поселок художников.	
Наши соседи	119
Александр Васильевич Куприн	119
Владимир Александрович Васильев	126
Александр Александрович Дейнека	129
О моих авантюрах и тех, кто был рядом	135
Как я взрывала Манеж	135
Художник Виктор Попков	139
Московская средняя художественная школа	142
Известный портретист Всеволод Филимонов	147
Братья Смолины	149
Несчастливая дача	156
Семейство Эйзлер	157
Ефим Эйзлер	157
Абрам Эйзлер, его жены и дети	159
Елизавета Эйзлер	161
Война и эвакуация	162
После войны в Песках	164

СОДЕРЖАНИЕ

Абрам Эйзлер и Корней Чуковский	167
Абрам Эйзлер и нелегальная литература	170
Аркадий, муж Маши	171
Семья Хвостенко и Павел Корин	175
Богомазы из Борисовки.	175
Училище живописи, ваяния и зодчества	183
Александр Хвостов-Хвостенко	188
Отец, каким я его помню	192
О моей сестре Тане	198
Владимир Хвостенко	200
Михаил Хвостенко	201
Мой отец Василий Хвостенко	202
Павел Корин	205
«Исход православия из Кремля» Павла Корина.	207
Американский друг	209
Письмо в прошлое	211

ИЗ РАССКАЗОВ НИСС- ГОЛЬДМАН 213

Нина Ильинична Нисс-Гольдман	215
Портрет Белобородова	222
Друзья в беде.	224
Петр Митурич.	225
Вера Мухина	226
Георгий Мотовилов и его племянник	230
Забытый художник Сергей Михайлович Романович	232
Невыносимый гений. Виктор Петрович Киселев	235
Лев Бруни и Бальмонты.	236
Надежда Павлович и Александр Солженицын.	241

ЕВГЕНИЙ КАЦМАН И ЕГО ДНЕВНИКИ 263

Немчиновкой навеяло...	265
Три художника и Казимир Малевич	269
У Репина в «Пенатах»	276
Фазаны, гречиха, клубника. У Сталина на даче	287

АРИСТОКРАТАМ ДУХА –
МОИМ ДОРОГИМ
СОВРЕМЕННОКАМ –
СЕРДЕЧНО И НИЖАЙШЕ.

ТАТЬЯНА ХВОСТЕНКО

ИЗ
ВОСПО-
МИНАНИЙ
ТАТЬЯНЫ
ХВОСТЕНКО

Как появились первые дома художников

В 1925 году общее собрание художников Москвы приняло решение построить в Москве кооперативный дом. Деньги на коллективное строительство взялись достать Павел Радимов и Евгений Кацман.

Кацману позировали члены правительства: он умел, сохраняя несомненное сходство с моделью, создать украшенный образ и рисовал портреты ведущих партийных руководителей и советских военачальников. Во время сеансов художник вел с ними задушевные беседы.

Мастерскую Радимов и Кацман делили со Стефанией Уншлихт, женой заместителя наркомвоенмора Иосифа Уншлихта.

Стефания Арнольдовна была художницей. Когда они с мужем были в Польше, у их дочери случился приступ аппендицита. Во время операции в больнице неожиданно отключили свет, и девочка умерла на операционном столе. Стефания Арнольдовна места себе не могла найти после смерти дочери, и Уншлихт решил познакомить ее с художниками, чтобы работой она могла заглушить боль. Он выбрал Евгения Кацмана, Кацман позвал Радимова, и им троим, вместе со Стефанией, была выделена мастерская в Кремле.

Атмосфера в мастерской была почти семейной: к художникам частенько заходили Рыков, Бухарин, Томский, Рудзутак, Ворошилов, Демьян Бедный и даже Сталин. Некоторые приходили с женами.

Тринадцатого февраля 1929 года Кацман начал портрет Рыкова. «Некрасивый очень, — записал потом художник в дневнике, — но вместе с тем похож на Чехова. Лицо сложное для портрета, отличное. Глубокие морщины

от носа к губам, глаза серо-голубые, позирует ужасно. Начал с чтения "Правды". Я сказал, что это редкие минуты, когда "Правду" приходится ненавидеть. Попросил позировать без газет. Просидели около часа».

Выбрав момент, Кацман и Радимов рассказали о проекте дома, где художники смогли бы жить по-человечески: ведь Рыков совсем недавно помог вахтанговцам со строительством их кооператива, дом за год выстроили.

— А вы как долго планируете строить? — спросил Рыков.

— Года полтора.

И Радимов стал говорить, что в этом же доме можно будет устраивать выставки не только художников, но и, например, собак, так что строительство окупится.

— Мы так и укажем в докладной записке, что это будут помещения для художников и собак.

Рыков смеялся.

Получив резолюцию на заявлении, подписанном большой группой художников, Радимов и Кацман стали «двигать» это заявление через Моссовет. На настоящий многоквартирный дом надежды было мало, проголосовали за строительство общежития. Но тут вступились наркомы Луначарский и Бубнов, и в Моссовете при повторном голосовании все-таки решили строить дом художников с мастерскими. На это строительство нищее Российское государство по просьбе Уншлихта и с разрешения Ворошилова выделило миллион рублей.

Начали делать эскизы, выбирать место; остановились на пустыре, оставшемся от сгоревшей кинофабрики Ханжонкова. Пустырь обступал вековой Петровский парк, где художники могли бы писать пейзажи; через несколько трамвайных остановок начинался лес, примыкавший к Ти-

мирязевской сельхозакадемии. Сначала предполагалось построить несколько домов художников, выставочный зал и гараж. Но выделенных средств не хватало, и художникам пришлось доплачивать свои деньги.

В 1930 году вблизи восточных ворот центрального стадиона «Динамо» появился первый в Москве дом художников — дом № 15 на Верхней Масловке. Он возвышался над двухэтажными деревянными еще дореволюционными постройками. Совсем недавно в этом стародавнем уголке Москвы с могучими липами и кленами жили в основном цыгане знаменитого «Яра». Вечерами казалось, что вот-вот в этих патриархальных романтичных домиках с резными, как кружево, наличниками зажгутся свечи, а на просторные террасы выйдут цыгане в цветастых ярких нарядах и запоют знаменитый романс «Что так грустно?».

Вот первые жильцы дома № 15:

Е. А. Кацман, Е. А. Львов, С. Д. Тавасиев, скульптор В. А. Сергеев, Е. П. Шварц, С. С. Алешин, Г. М. Шегаль, П. Д. Покаржевский, К. Молчанов, Б. В. Иогансон, С. М. Луппов, Чашников, Белянин, Шестопалов, К. И. Максимов, Ф. К. Лехт, Е. Ряжский, Кутателадзе, А. К. Кибрик, Коршунов, Л. Н. Соловьев, К. А. Корыгин, Немов, Шухмин, А. М. Каневский, Н. М. и Н. Я. Никоновы.

Павел Радимов получил квартиру самым последним, на первом этаже.

Наша семья переехала на Масловку из Большого Тишинского переулка в 1934-м, когда мне исполнилось шесть лет. Нам дали квартиру в доме № 6 на Петровско-Разумовской аллее, построенном для художников-холостяков. Почему этот дом так называли, непонятно: почти все новоселы были семейными, а у некоторых уже и дети были. Дом выходил одной стороной к дороге, а другой — на не огороженный еще участок парка у стадиона «Динамо». Глухая

окраина, за окном шумели вековые пихты и липы, из окон был виден большой пруд, где мы ловили карасей. На лугу у пруда паслись козы, останавливались табором цыгане; Иогансон, отец и Черемных писали там этюды. Под окном проходила узкая немощеная улица, вся в рытвинах и ухабах. После дождя образовывались большие лужи, по которым мы пускали кораблики.

Наш двор окружал деревянный забор из высокого редкого штакетника, так что с улицы было видно, что творится во дворе. Как-то мама, папа и я возвращались поздно и увидели, что у забора сложены какие-то вещи. Мы позвали дворника Степана и... предотвратили кражу у Константина Александровича Вялова.

Обитатели Масловки

Они живут в моей памяти, ведь когда-то я встречала их ежедневно.

Вот Игорь Эммануилович Грабарь — маленький, толстенький, в очках с тонкой оправой, он еле втискивался в крошечный лифт, а я забивалась в угол, чтобы закрылись дверцы.

Сергей Васильевич Герасимов. Голова с оттопыренными ушами крепко сидит на прямой упругой шее. Он что-то шумно рассказывает, буравя взглядом собеседника.

Павел Петрович Соколов-Скала — немного прищуренные карие глаза, аккуратная небольшая голова венчает громадную фигуру, глянцевитые сапоги туго обтягивают икры. Он казался мне Гулливером среди лилипутов, держался независимо и на все имел свое мнение; если ему что-то не нравилось, прекращал спор единственной фразой.

А вот в проеме входной двери появляется Василий Алексеевич Ватагин в своей черной бархатной шапочке. Слышу его голос, тихий, слабый после тяжелой работы в мастерской...

Вот подкатывает к дому черная «Волга». Из нее выходит хозяин — красивый, улыбочивый Георгий Васильевич Нерода.

Легко и весело сбегает по лестнице эlegantный Федор Семенович Богородский: пальто с бобровым воротником, начищенные до блеска ботинки — все по последней моде. Роскошная шевелюра с заметной проседью.

Часто художники, встречаясь на лестнице, останавливались, чтобы обменяться новостями. Обычно Богородский задерживался на третьем этаже с супругами Серафимой Рянгиной и Борисом Яковлевым. Не только меня удивляла эта пара. Она — небольшого роста, с плохой фигурой и кривыми ногами, с плоским невыразительным лицом. Он — красивый и интеллигентный. Рянгина входила во все комиссии и стояла, как говорится, у руля. Когда она умерла, Борис Николаевич женился на сравнительно молодой Валентине Васильевне Курильцевой, искусствоведе. На другой день после свадьбы я услышала на лестнице, как Федор Семенович добродушно подкалывал смущенного новобранного:

— Ну что, Боря? Усики и волосы подкрасил, хочешь молодеж казаться?

И добавил что-то традиционное насчет «рогов». Боря только слабо отбивался от шутливой атаки Богородского.

Были на Масловке и жильцы другого склада. Помню Владимира Евграфовича Татлина: худой, немного сгорбленный, с серо-охристыми седоватыми волосами, внимательные глаза, а под глазами мешки. Одет в вязаную жилетку и черные обвисшие брюки, он молча, едва кивнув

головой, проходит мимо веселой братии, обсуждающей во дворе последние новости в МОСХе и во «Всекохудожнике».

Около десяти утра из второго подъезда выходили Гавриил Никитович Горелов с женой Татьяной Николаевной; они направлялись в мастерскую. Горелов — в прошлом ученик Ильи Ефимовича Репина, он дружил с моим отцом, очень любил меня и охотно со мной беседовал, хотя с другими был немногословен.

Наши дворники

Мы очень любили наших дворников, Степана и дядю Васю. У Степана было четверо детей и большое хозяйство: во дворе стоял одноэтажный дом с большим сараем, где помещались корова, коза и множество кур. Там же хранились огромные маски репрессированного скульптора Николая Шалимова. Я дружила с дочкой Степана Шурой. Степан слыл очень добрым человеком (был из раскулаченных), во время войны он меня подкармливал молоком. Двор Степан содержал в образцовом порядке, и именно он посадил липы. Уже давно нет ни забора, ни одноэтажного дома, ни Степана и его доброй жены, а липы выросли и превратились в огромные деревья, цветут, благоухают.

Кроме Степана, в подвале дома № 15 жил дядя Вася с двумя дочками. У него была ломовая лошадь с телегой, на которой он зимой вывозил со двора снег, а летом возил уголь для отопления дома. Он часто сажал нас в телегу и катал вокруг «Динамо». В его каморку можно было пробраться, только перелезая через кучи угля. Однажды, это было под Новый год, подвыпившие два Федора — Шурпин и Решетников — попросили у него телегу. Впрягшись в нее под

хохот всего двора, они покатали вдоль трамвайной линии по Масловке, а вернувшись, почему-то решили затащить телегу в коридор. В просторных коридорах пятнадцатого дома часто работали молодые художники, рисовавшие к праздникам вождей. Увидев портреты, наши героини сбегали в мастерскую за красками и стали переписывать их, ловкими мазками придавая вождям карикатурный вид. Но этого им показалось мало. Бросив взгляд на большую картину «У гроба Кирова» (вокруг гроба стояли Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов), они занялись ею: дописали у Кирова руку, которая тянулась к Сталину и как бы тащила его в гроб. Увидев утром такое превращение, авторы пришли в ужас. Они стали спешно счищать и записывать эти художества, но, когда принимали картину на выставку, при боковом освещении просматривалась тянущаяся к Сталину рука Кирова. Членов совета это повергло в шок, ведь сие грозило ни много ни мало расстрелом. Картину уничтожили, и все обошлось.

Столовая, клуб и женсовет

Чтобы облегчить быт художников, в доме с первых же дней создали общественную столовую. Штаб столовой состоял из жен художников; заведующей стала жена Николая Митрофановича Никонова Наталья Яковлевна. Благодаря ее усилиям столовая пользовалась успехом: ненадолго прервав работу в мастерских и не выходя из дома, художники, да и их семьи, могли в любое время получить вкусный обед за очень небольшую плату. Деньги на содержание столовой частично давало государство.

Радимов и Кацман познакомились с молодыми художниками Тимковым и Лактионовым. Поскольку ребята отчаянно нуждались, коллектив художников решил бесплатно кормить их в своей столовой, а потом добился для них